

Елена
Арсеньева

Дамы
плаща и кинжала

ИСТОРИЧЕСКИЕ
НОВЕЛЛЫ
ЛЮБВИ

Елена Арсеньева
Шпионка, которая любила
принца (Дарья Ливен)
Серия «Дамы плаща и кинжала»

Текст книги предоставлен издательством "Эксмо"

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=138400

*Елена Арсеньева «Дамы плаща и кинжала», серия: Исторические
новеллы о любви: ЭКСМО; Москва; 2004*

Аннотация

Кто заподозрит шпионку в прекрасной женщине, которую принимают в высшем обществе или даже при дворе самодержцев? Но именно такие дамы оказывались зачастую самыми надежными агентами – ведь кому, как не обходительной прелестнице приятно поведать свои тайны сильным мира сего?.. А уж способами обольщения и умением напускать тумана и загадочности эти красавицы владели в совершенстве. Некоторые из них так и унесли свои секреты в могилу, а некоторые вдруг столь удивительную карьеру заканчивали – и становились обычными женщинами. Но что оставалось с ними навсегда – это авантюрный дух и стремление убежать прочь от рутины обывательской жизни. Зоя Воскресенская, Елена Феррари, Лиля Брик – о тайной и явной жизни этих и других «дам плаща и кинжала» пойдет речь в захватывающих исторических новеллах Елены Арсеньевой...

Содержание

Конец ознакомительного фрагмента.

26

Елена Арсеньева

Шпионка, которая любила принца Дарья Ливен

Мир догадок и тайн... Мир коварства и обмана, в котором как рыбы в воде чувствовали себя не только мужчины, но и женщины. Выведать государственную тайну, оказать влияние на политику целой страны или поведение некоего выдающегося человека, организовать убийство императора или полководца – они справлялись с этими заданиями с той же лихостью, что и их коллеги сильного пола.

Их сила была в их слабости.

Виртуозные притворщицы, они порой и сами не могли отличить свою ложь от своей правды. Именно поэтому в эти игры охотно вступали актрисы: каждая из них мечтала об амплуа главной героини интриги! Бывало, впрочем, что и добропорядочные мужние жены, вдруг ощутив в крови неистовый вирус авантюризма, вступали на тот же путь.

Каждая из них вела свою роль под маской невидимки. Великую роль – или эпизодическую, ведущую – или одну из многих. Кто-то из них вызывает восхищение, кто-то – отвращение.

Странные цели вели их, побуждали рисковать покоем, честью, жизнью – своими и чужими. Странные цели, а порою и непостижимые – тем более теперь, спустя столько лет и даже веков. Хотя... ведь было же когда-то сказано, что цель оправдывает средства. Для них это было именно так.

Познакомившись с нашими российскими дамами плаща и кинжала, можно в том не сомневаться.

* * *

– О Время! Все несется мимо,
Все мчится на крылах твоих:
Мелькают весны, мчатся зимы,
Гоня к могиле всех живых!

Меня ты наделило, Время,
Судьбой нелегкою – а всё ж
Гораздо легче жизни бремя,
Когда один его несешь!...

– Дорогой друг мой, спешу сообщить, что небезызвестный Вам М. сейчас находится в крайне затруднительном положении. Как я Вас уже информировала, он выступал против законопроекта

тори¹ о смертной казни для ткачей, умышленно ломавших недавно изобретенные вязальные машины. Не получив ожидаемой поддержки в палате, он обрел неожиданного союзника в лице служителя муз Б., фигуры более чем одиозной. Сей Б. даже посвятил одно из своих знаменитых стихов жестокому законопроекту! Обрадованный поддержкой любимца светской публики (коя любит равным образом и его поэтическую, и скандальную славу), М. ввел Б. в свой дом – надо сказать, с одобрения своей достопочтенной (только по титулу ², но отнюдь не по поведению!) матушки, которая была настолько увлечена вышеназванным поэтом (а ведь он годится ей не просто в сыновья, но в сыновья младшие!), что, по слухам, не раз и не два навещала Б. в его весьма эпатазирующем жилище, где я в данный момент имею глупость находиться...»

Ой, нет, последняя строка явно лишняя! Человеку, который получит сие письмо, вовсе незачем знать, какими неисповедимыми путями были добыты столь пикантные сведения об одном из столпов английского дворянства! Надо будет придумать что-нибудь поприличнее... Что? Ну, например, намекнуть, что его корреспондентка шантажировала какую-нибудь

---

¹ Тори и виги, консерваторы и демократы – две основные противоборствующие партии в Англии.

² В описываемое время в Англии, говоря о дворянах, принято было добавлять эпитет «достопочтенный (ая)» или «высокородный (ая)», например, «достопочтенный (ая) мистер (миссис) Смит» и т. п., что означало присутствие графского титула.

светскую даму из числа подруг леди М., вот та и развязала язык. Да, это подойдет! А после слов «не раз навещала Б. в его весьма эпатирующем жилище» можно поставить точку и, пропустив пассаж насчет собственной глупости, продолжать таким образом:

«Но самое очаровательное во всей этой истории то, что и сноха сей высокородной дамы, супруга упомянутого М., леди К.Л., тоже потеряла голову из-за Б. и скомпрометировала себя с ним. Подробности надеюсь узнать от самого...»

– Да вы меня не слушаете! – послышался возмущенный мужской голос, и дама, лежащая на широкой постели, среди разбросанных подушек и смятых простыней, в одежде Омфалы со знаменитой картины Франсуа Буше (правда, в отличие от пухленькой Омфалы она была более чем стройна), сильно вздрогнула, возвращаясь из мира эпистолярного в мир реальный:

– Ах, боже, ну зачем же так кричать?! Я хорошо слышу!

– Слышите, но не слушаете, – уже тремя тонами ниже, но столь же обиженно проворчал молодой черноволосый человек, лежащий рядом с нею на постели и облаченный в костюм Геркулеса с того же самого полотна Буше. Благодаря этому «одеянию» видно было, что он смугл, великолепно сложен, с чрезвычайно развитой мускулатурой, и, хотя одна нога его была повреждена, все остальное вполне соответствовало античным пропорциям, так что сравнение с Герку-

лесом было вполне уместно. – Ну что я говорил сейчас, ну что?!

– «Гораздо легче жизни бремя, когда один его несешь», – невинно глядя на него своими темно-серыми, очень красивыми глазами, процитировала дама. – Вы читали свое стихотворение о Времени, которое мне очень нравится, гораздо больше нравится, чем «Ода авторам билля против разрушителей станков», которое снискало вам такую популярность среди вигов вообще и у лорда Уильяма Мельбурна в частности. А особенную популярность, – темно-серые глаза лукаво заиграли, она высунула на миг кончик розового языка и дразняще продолжила: – у леди Кэролайн Лэм!

Даме, облаченной в одежду Омфалы, страшно хотелось упомянуть также о старшей леди Мельбурн, однако она сдержалась, потому что получила эту информацию в приватной болтовне от члена парламента лорда Чарльза Грея, который принадлежал к числу ее сердечных друзей, а сие надлежало хранить в тайне. Не выдавать своих осведомителей – этого принципа она, в своем ремесле еще начинающая, придерживалась, тем не менее твердо понимая, что точная и своевременно полученная информация – основа всякого *l'espionnage*, как говорят французы, *an espionage*, как говорят англичане, *die Spionage*, как говорят немцы... словом, всякого шпионажа. Насчет леди Мельбурн-old³ – опасная тайна,

---

³ Старшей (англ.).

насчет леди Мельбурн-young ⁴ – секрет Полишинеля, стало быть, с нее и начнем, а там посмотрим, как станет развиваться разговор.

– Ради всего святого! – приподнимаясь на локте, встревоженно уставился на даму молодой человек. – Не начинайте хоть вы!

– Не начинать чего? – вскинула она длинные, изящно разлетевшиеся к вискам брови.

– Ревновать к Кэролайн! – пробурчал ее собеседник. – Довольно с меня самой Кэрол, которая *своей* ревностью не даст мне житья. Нет, ничего не могу сказать: это самая умная, прелестная, нелепая, очаровательная, ошеломляющая, опасная, колдовская крошка из всех живых существ, однако...

– Да неужели самая?! – пробормотала дама с непередаваемым выражением.

– О присутствующих не говорю! – расхохотался молодой человек, и на некоторое время дама и ее кавалер приняли ту позу, в которой Буше запечатлел Геркулеса и Омфалу на своей знаменитой картине.

Наконец, разомкнув объятия, «Геркулес» проговорил:

– Впрочем, что касается ума, здесь вам, Дороти, нет равных. И вы, само собой, очаровательны, иначе вам не удалось бы сделать меня своим покорным рабом. Однако Кэрол веселила меня своей изобретательностью. Например, что посылают романтические дамы своим возлюбленным на память?

---

⁴ Младшей (англ.).

Ну, ну, подсказываю: что они перевязывают какой-нибудь красивенькой ленточкой и вкладывают в изысканный конвертик?

– Прядь волос? – перебила дама, которую и впрямь звали Дороти, Доротея, а иногда даже – Дарья...

– Правильно, прядь волос. Но откуда они срезают эти волосы? – не отставал ее кавалер.

– То есть как? – растерялась Дороти. – Конечно, с головы, откуда же еще?!

– Ага! Откуда еще... – передразнил молодой человек. – То-то и оно, что Кэрол срезала их не с головы, а *отсюда!* – и он положил руку своей даме на то хорошенькое местечко, на котором у всех без исключения женщин растут только кудрявые волосы.

Дороти оцепенела – не то от изумления и впрямь редкостной изобретательностью леди Кэролайн Лэм, не то от тех движений, которые выделявали шаловливые пальцы ее кавалера.

– Ну, про то, как она, замаскировавшись под пажа, сопровождала мою карету, когда я не захотел взять ее с собой на бал, вы, конечно, знаете, – рассеянно пробормотал кавалер, все больше увлекаясь своим занятием. – И несла мой зонтик, когда мне являлась охота прогуляться под дождем – совершенно так же, как в Древнем Египте рабы носили зонтики за своими господами.

– А вы убеждены, что зонтики изобрели в Древнем Егип-

те? – слабо выдохнула Дороти.

– Ну, в Древнем Китае, какая разница? Там я еще не был, поэтому не могу утверждать наверное, – свободной рукой отмахнулся молодой человек, который и впрямь был известен как страстный путешественник, а не только как страстный любовник. – Наверняка стало достоянием гласности и то, что бедняжка Кэрол пыталась покончить с собой на одном из светских приемов. Но вряд ли вам известно, что она клялась убить меня, если застанет на месте преступления, а также убить ту, которая окажется в это время со мной...

И в точности в это мгновение снизу, из прихожей, раздались гулкий стук в дверь и истерический женский крик:

– Отворите! Отворите немедленно!

– Неужели Кэрол? – с изумлением, однако без особой тревоги произнес молодой человек. – Накликали, вот как это называется.

Дороти отшвырнула со своих кудряшек его руку, будто заигравшуюся кошку, и резко села, подтянув к подбородку стройные колени:

– Кэролайн Лэм?! Здесь?! Боже, я погибла...

– Не тревожьтесь, моя прелесть, – пробормотал «Геркулес», явно наслаждаясь страхом своей «Омфалы». – После ее предыдущего вторжения у меня укрепили дверь, сменили замки и засовы. Черный ход тоже должным образом защищен. Так что мы вполне можем продолжить... ха-ха!... обсуждать странности Кэрол, пока она будет пробовать на

прочность мои двери.

– О боже, ну и вопли! Лорд Мельбурн должен держать свою женушку в Бедламе⁵, а не позволять ей в одиночестве шататься по Лондону! – Дороти соскользнула с постели и метнулась в приоткрытую дверь гардеробной. – Простите, дорогой, но я вынуждена вас покинуть. Своими криками эта ваша «нелепая, ошеломляющая, колдовская» Кэрол разбудит и мертвого. Мне совсем не улыбается, выйдя на улицу, увидеть тут полгорода. Того и гляди наткнешься на знакомого!

– Особенно после выхода вчерашнего карикатурного листа Крукшенка⁶, который вас и впрямь прославил на весь Лондон, – пробормотал «Геркулес», который явно обиделся на «Омфалу» за трусость и, по свойственному ему злопамятству, хотел ее во что бы то ни стало уязвить побольнее. – Неужели вы еще не видели нового листа? Ну так взгляните скорей!

Не озаботясь прикрыть наготу, он дохромал до бюро и вынул из верхнего ящика небольшой лист.

Дороти в это время уже успела буквально вскочить в простенькое темное платье, благо дамские туалеты описываемого времени еще не расстались с античной простотой, которая вошла в моду на исходе XVIII века, и вполне позволя-

---

⁵ Название лондонской лечебницы для умалишенных, куда, между прочим, в свое время попал и король Георг III.

⁶ Знаменитый английский художник-карикатурист.

ли обходиться без корсета и даже без избытка нижнего белья, особенно ежели дама была столь же стройна, как героиня нашего повествования. Однако, взглянув на сей лист, она увидела, что именно ее стройность и стала предметом насмешки мистера Крукшенка. Дороти увидела себя изображенной в бальном платье, кружащейся в вальсе с чрезвычайно толстеньким (именно про таких говорят: «Поперек себя шире!») и низеньким (он едва достигал ее груди) кавалером. Внизу значилась подпись художника и название карикатуры: «Longitude and breadth of St. – Petersburg»⁷.

При всей гротескности рисунка Дороти сразу узнала в толстяке князя Петра Борисовича Козловского. Назначенный русским полномочным посланником в Сардинию, он отправился туда морем, через Швецию и Англию, однако задержался в Англии почти на полгода. Блестящий собеседник и танцор (несмотря на свою поистине карикатурную внешность), он был завсегдатаем балов, на одном из которых и сделался замечен Крукшенком. Разумеется, карикатуристы не льстят предметам своих насмешек: Козловский был поистине «широтой», а его дама – уж такой «долготой», что ничего более долгого невозможно было себе представить!

У Дороти на мгновение даже дыхание сперло от злобности карикатуры, но по губам промелькнула самая развеселая усмешка. Во-первых, сейчас не было времени предаваться переживаниям, а во-вторых, «Геркулес» слишком уж жадно

---

⁷ «Долгота и широта Санкт-Петербурга» (англ.).

наблюдал за реакцией «Омфалы». О, его злоехидство было прекрасно известно всем его любовницам!

«Долгота и широта»! – возмущенно подумала Дороти и метнула в сторону кавалера зоркий взгляд. – Уж не ты ли придумал заголовок для этой карикатуры? А сам-то! Сам-то...»

Лондонские дамы не уставали судачить о том, что сей любимец Фортуны, муз и женщин до недавнего времени страдал ожирением (он весил чуть ли не 16 стоунов⁸) и был вынужден соблюдать строгую диету, ежедневно принимать до двадцати видов лекарств и заниматься физическими упражнениями. Конечно, теперь он обладал роскошными мускулами, славился, несмотря на хромоту, как великолепный боксер и пловец (во время путешествия по Греции и Албании однажды на спор переплыл Дарданеллы), но все-таки был, был, был раньше толстяком еще и пообширней Козловского!

Угрожающий треск, раздавшийся с первого этажа, прервал размышления.

– Похоже, вы переоценили прочность засовов! – вскрикнула она и, отшвырнув скомканный шедевр Крукшенка, сунула ноги в туфельки, схватила с кресла небрежно брошенные шляпку, перчатки и шаль, кинулась к двери черного хода, даже не простившись со своим голым «Геркулесом», потому что на парадной лестнице уже слышались шаги обуян-

---

⁸ Стоун – английская мера веса (употребляется в основном для измерения веса человека), примерно 6, 36 кг; 16 стоунов – около 100 кг.

ной ревностью и страстью фурии. Дверь захлопнулась за Дороти как раз в то мгновение, когда послышался торжествующий вопль леди Лэм, обнаружившей вожаделенную добычу в виде, вполне готовом к употреблению.

Дороти, подбирая подол как можно выше, чтобы не запутаться в нем и не свалиться с очень крутых ступенек (господи помилуй!), спустилась к двери, открыла хитрый засовчик, выскочила в проулок и со всех ног, огибая собравшуюся толпу, понеслась прочь от опасного дома, зная, что уже никогда не вернется в него, к своему «Геркулесу». Все, что хотела, она от него уже получила: пылкие объятия, необходимую информацию, острые ощущения. Больше рисковать не для чего, а значит, незачем.

Дороти на ходу надела шляпку, набросила шаль, натянула перчатки и умерила прыть. Надо отдышаться. Вовсе незачем появиться дома взмыленной, словно лошадь. Муж наверняка спит, однако чем черт не шутит...

Проскользнув через маленькую калитку в садовой ограде, Дороти добежала до черного хода своего дома (такая, знать, судьба выдалась ей нынче, пользоваться только черным ходом!), на цыпочках проскользнула мимо комнат прислуги и прокралась в холл. Слава богу, пусто. Теперь тихонечко наверх, в спальню...

– Что-то вы запозднились, Дашенька! – послышался в это мгновение мужской голос, и на пороге библиотеки, смежной с холлом, появилась высокая мужская фигура в шлафроке.

Итак, черт продолжал шутить!

– Опять играли в l'espionne?⁹ – спросил мужчина с улыбкой.

Ого, значит, нынче шутит не только черт, а также и всегда чрезмерно серьезный супруг Дороти? Ну, с его шутками она управится запросто, небось не впервой. Только следует помнить, что лучший способ обороны – наступление.

– Вы не поверите, Кристофер, – жарко воскликнула она, называя мужа на английский манер, хотя вообще-то его звали Христофор, граф Христофор Андреевич Ливен, – вы не поверите, когда я скажу вам, где я сейчас была и что делала! Ни за что не поверите! Потому что я довольно тесно общалась... Угадайте, с кем?!

– Ах, загадки вы лучше загадайте Павлу и Александру, которые не спят, дожидаясь своей припозднившейся маменьки! – проворчал супруг. – Так с кем вы там общались?

– С леди Лэм! С леди Кэролайн Лэм! И теперь совершенно точно могу дать вам великолепный компрометирующий материал на жену лорда Мельбурна, которая до сих пор является любовницей лорда Байрона и не скрывает этого. Очень можно ожидать, что Мельбурн повторит свое требование развода. А учитывая те сведения о его матери, которые я получила позавчера от сэра Чарльза Грея... Помните, я вам говорила? – протараторила она как бы в скобках.

Граф Ливен ничего подобного не помнил, да и не мог пом-

---

⁹ Шпионку (франц.).

нить, ибо этого не было, однако он порою страдал забывчивостью, тщательно скрывал сие, а поэтому сейчас счел за благо кивнуть.

– Словом, сударь, когда уезжает курьер в Россию? – продолжала частить Дороти. – Завтра поутру? Тогда давайте я вам все быстро расскажу, чтобы вы успели составить донесение графу Нессельроде.

– Ах, но я занят, – чуть ли не с испугом сказал граф. – Мне еще нужно прочесть три номера «Таймс», чтобы сообщить Нессельроде последние новости о военных планах Веллингтона!¹⁰ Вам придется самой написать донесение.

Дороти даже вздрогнула от радости. Именно на это она и надеялась еще там, в постели «служителя муз Б.», поэта Джорджа Гордона Байрона, когда сочиняла свое письмо «дорогому другу», под которым разумелся граф Нессельроде, ведавший иностранными сношениями России. Составлять донесения, шифровать их столь же увлекательно, как и добывать информацию, особенно таким неформальным способом. Пожалуй, муж прав: для нее игра в *l'espionne* – самая лучшая игра на свете! Так щекочет нервы! Куда там бриджу или крокету!

Торопливо чмокнув великодушного супруга в щеку, Дороти понеслась вверх по лестнице, как вдруг полуоберну-

---

¹⁰ Артур Уэлсли, герцог Веллингтон – знаменитый английский полководец, в описываемое время – командующий английскими войсками в Испании, позднее премьер-министр Великобритании.

лась:

– Кстати, Кристофер, не тратьте время на поиски в «Таймсе» военных планов Веллингтона! Больше вы их там не найдете.

– Это еще почему? – озадачился граф Ливен.

– Да потому, что герцог Веллингтон еще в марте написал в одном из своих секретных донесений: «Вполне можно сообщать разведывательную информацию через газеты. Более того, содержание всех газет – это разведывательные данные для неприятеля, на основании которых, как мне известно, он строит планы своих операций». Герцог настоял на том, чтобы его донесения в Лондон не публиковались в печати, так как они содержат важные для врага сведения.

– Ради бога! – пробормотал ошарашенный граф Ливен, глядя вслед точеным ножкам жены, мелькающим уже на верхних ступеньках лестницы. – Откуда вам сие известно?!

– Из газеты «Таймс»! – донесся смешок Дороти. А вслед за этим хлопнула дверь ее будуара – и стало тихо.

Пожав плечами, граф вернулся в библиотеку и сел, вольно вытянувшись в покойном кресле у камина. Если Дашенька сказала, что газеты можно не читать, он и не станет. Причем с превеликим удовольствием! И с еще большим удовольствием не станет тратить время на очередное донесение Нессельроде. Дашенька сделает все гораздо лучше. Все-таки русскому посланнику в Лондоне, графу Христофору Андреевичу Ливену, чертовски повезло с женой. Дарья Христофоров-

на Ливен, урожденная Бенкендорф, – истинное сокровище. Сейчас даже смешно подумать, что раньше он отчаянно не хотел на ней жениться, и кабы не маменька...

* * *

– Послушайте, мой дорогой мальчик, вам придется смириться. Дашенька Бенкендорф – прелестное создание, а главное, к ней весьма благоволит императрица. Вы ведь знаете, что покойная матушка Дашеньки, Мари Бенкендорф, урожденная баронесса Шиллинг фон Канштадт, была задушевной подругой ее величества Марии Федоровны, и императрица поклялась, что после ее смерти не оставит Дашеньку. Так оно и вышло. Великодушная государыня отдала сироту в Смольный институт, потом взяла под свое попечительство, определила во фрейлины и вот теперь решила выдать замуж. Выбор императрицы пал на вас, и я вижу в этом великую честь!

Голос графини Шарлотты фон Ливен, статс-дамы императрицы Марии Федоровны и бессменной воспитательницы всех ее сыновей, молитвенно дрогнул. Все, что исходило от царствующей фамилии, было для нее священо, воля императора и его супруги – непререкаема, и ежели бы государыня решила дать ее в жены даже сыну мадам Шевалье¹¹, Шарлот-

---

¹¹ Французская певица, мимолетная фаворитка императора Павла I.

та фон Ливен, наверное, смирилась бы и с этим. Однако Дашенька Бенкендорф – совсем даже не худший вариант! Она из прекрасной семьи, ее отец – военный губернатор Риги, ее брат Саша ¹² дружен с великими князьями Александром и Константином. Сама Дашенька очень мила... немного худа, конечно, однако у нее дивные темно-серые глазки, свежие вишневые губки, чудесные белокурые локоны и воистину лебединая шея. Барышня неглупа, хорошо образованна. Что еще нужно Христофору?!

– В чем дело, сын мой? – наконец спросила Шарлотта Карловна прямо, добавив металла в свой голос. – Чем вам не нравится Дашенька?

– Матушка, если честно, я на дух не переношу Сашку Бенкендорфа, – простонал Христофор. – Это такой наглец! Он уже прибрал к рукам наследника, а также его брата Константина, и, помяните мое слово, когда подрастет Николай, Сашка и до него доберется!

На какой-то миг Шарлотта онемела от такой нелепости.

– Помилуйте, дитя мое, но ведь вам же не с Сашкой Бенкендорфом венчаться! – наконец обрела она дар речи. И отчеканила: – Я же сказала вам, что его величество Павел Петрович желает видеть своего военного министра *женатым*! А сейчас у нас нет другой достойной кандидатуры, кроме Дашеньки Бенкендорф, которая, что очень кстати, в вас влюб-

---

¹² Александр Христофорович Бенкендорф, впоследствии шеф корпуса жандармов.

лена. Вы, впрочем, быть может, хотите, побыв уже три года в почетной министерской должности, уступить портфель и звание генерал-адъютанта кому-то другому? Да?

– Нет! – в ужасе ответил Христофор.

– Тогда – под венец! – простерла Шарлотта указующий перст к дверям, как будто прямо там, за порогом, уже стоял священник, готовый обвенчать молодых, а при нем влюбленная невеста в белом платье...

И хоть никого там не было, а все же венчание свершилось днями, очень быстро, и Христофор буквально наутро после брачной ночи покаялся, что не сразу разглядел, какая прелесть его Дашенька. Она была веселая, милая, ласковая, смешливая, болтливая, а уж слушать умела... С этой минуты Христофор знал, что юная жена – его истинный друг, который поможет ему перенести все императорские причуды. А причуд у Павла Петровича, увы, было множество, и Христофор фон Ливен беспрестанно с ними сталкивался, поскольку военная служба была преобладающей страстью императора.

Дашенька очень скоро поняла, что характер Павла представляет собой странное смешение благороднейших влечений и ужаснейших склонностей. Подозрительность в императоре с годами развилась до чудовищности. Пустейшие случаи вырастали в его глазах в огромные заговоры, он гнал людей в отставку и ссылал по произволу. В крепости и на гауптвахте не переводились многочисленные жертвы, а порою вся их вина сводилась к слишком длинным волосам или слиш-

ком короткому кафтану. Носить жилеты совсем воспрещалось. Император почему-то утверждал, будто жилеты вызвали всю Французскую революцию. Случалось, на гауптвахте оказывались и дамы, если они при встрече с Павлом не высказывали стремительно из экипажа или не делали достаточно глубокого реверанса. И Дашенька со свойственной ей чисто женской интуицией почувствовала, что добром царствование этого государя не кончится.

В начале 1801 года военный министр фон Ливен сделался болен. Он занемог с тех пор, как узнал о намерении императора вывести под корень ненавистное ему донское казачество, а заодно потревожить владения своих неприятелей англичан в Индии. Фон Ливен лично писал под царскую диктовку приказы, от которых у него волосы вставали дыбом. Курьер в самом кабинете государя получил запечатанные конверты для отвоза на Дон, и Павел строго-настрого, под страхом смерти, запретил Ливену кому-либо сообщать о сделанных через него распоряжениях. Даже вездесущий Пален ничего не знал.

На другой день после отправки рескриптов Ливен слег. Он был в полубреду и бормотал, сжимая тонкую руку жены и глотая слезы, точно ребенок:

– Дашенька, знаешь, что было написано в рескрипте? «Индия, куда вы назначаетесь, управляется одним главным владельцем и многими малыми. Англичане имеют у них свои заведения торговые, приобретенные или деньгами, или ору-

жием, то и цель – все сие разорить и угнетенных владельцев освободить и ласкою привести России в ту же зависимость, в какой они у англичан, и торг обратить к нам». Ласкою, понимаешь? А коли не захотят? Тогда как? Вступать в сражения, надо полагать? Не имея подвоза продовольствия и боевых припасов, во враждебной стране, будучи изнуренными долгим и трудным походом... У нас ведь нет толковых карт. Мы даже не ведаем местности, по которой предстоит пройти войску! Карты только до Хивы, а дальше?!

Его молоденькая жена, до смерти испуганная, наивно пыталась возражать:

– А ну как местность там благоприятная? Ну как взятое с собой вооружение удастся сохранить без применения?

– Как же, удастся! – всхлипнул несчастный военный министр. – Ведь в последнем рескрипте нашим казакам заодно предписывалось: «Мимоходом утвердите за нами Бухарию, чтобы китайцам не досталась. В Хиве вы освободите столько-то тысяч наших пленных подданных. Если бы нужна была пехота, то лучше бы вы одни собою все сделали». Ты слышала?! «Мимоходом утвердите Бухарию!» – Ливен залился горячечным, истерическим смехом, но тут же приложил палец к губам и испуганно уставился на жену: – Что я наделал! Я доверил тебе государственную тайну! Дашенька, умоляю...

– Клянусь, что никто от меня ни слова не узнает, – с важностью отвечала юная супруга. – Вы увидите, что я умею хранить государственные тайны!

Будущее покажет, что она и впрямь сумеет это делать (в чем и будет состоять успешность ее *l'espionnage*, как говорят французы, *an espionage*, как говорят англичане, *die Spionage*, как говорят немцы, и так далее). Вот и на сей раз Дашенька держала язык за своими беленькими зубками, понимая, что ее болтливость может сделаться причиной не только опалы, но и гибели мужа.

Ливен, впрочем, продолжал тревожиться и от этого болел еще пуще. А между тем сия болезнь прилась весьма кстати и спасла его от очень серьезных неприятностей!

Глупостей и опасностей от вздорного и мстительного характера императора накопилось столько, что образовался антиправительственный заговор во главе с графом Паленом, который имел в своем заведовании иностранные дела, финансы, почту, высшую полицию и состоял в то же время военным губернатором Санкт-Петербурга, что давало ему начальство над гвардией. Великий князь Александр, наследник, по сути дела, благословил ниспровержение отца, и руки заговорщиков были развязаны. Поскольку Пален благоволил к фон Ливену, он не раз собирался посвятить его в дела заговорщиков, однако болезнь военного министра удерживала его от этого. И потом Христофор Андреевич благословил свою болезнь! Как он должен был бы поступить со столь опасной тайною, если бы ее ему доверили? Долг бы повелевал спасти императора. Но это было бы равносильно предательству всего великого и возвышенного, что имелось тогда

в России. Заговорщиков ждали эшафоты, ссылка, тюрьма. И гнет императора, под бременем которого изнемогала Россия, еще усилился бы! Альтернатива фон Ливену рисовалась, во всяком случае, ужасная, и он потом уверял жену, что, если бы Пален сообщил ему о заговоре, ему ничего другого не осталось бы сделать, как пустить себе пулю в лоб.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.